

Социально-философский контекст Конституции Никиты Муравьева

Конституция ¹, автором которой является Никита Михайлович Муравьев (1796–1843), руководитель Северного общества декабристов в России, — программный документ этого общества, который, в конечном итоге, так и не был одобрен в полном его объеме членами организации. Тем не менее, он по праву считается одной из значимых работ, дающих представление о содержании и характере мыслей, будораживших сознание первых российских революционеров. В нем сформулированы не только базовые законоположения устройства государства после планировавшегося декабристами свержения царской власти, но и представлено видение основ и направлений функционирования разных сфер российского социума в будущем.

В философском плане Конституция вызывает интерес прежде всего потому, что здесь, как и в «Русской Правде» П. Пестеля, довольно четко представлена главная философская проблема — «отношение ”человек — мир”». Содержательным полем этих двух программ декабристского движения является взаимосвязь человека, общества и государства. Доминантными сторонами выступают государство и общество. А во взаимосвязи государства и общества ведущим рассматривается государство. В силу того, что сочинение Н. Муравьева — это конституционный проект будущего государства, акцент на его устройстве, административное членение страны, особенности функционирования власти является в нем преобладающим. Поэтому сочинение имеет и правовую ценность.

Современные исследователи располагают *тремя редакциями* данного документа. Они созданы в разные временные периоды, различаются по объему и мере акцентирования внимания на конкретные вопросы.

Над *первой (наиболее ранней) редакцией* Н. Муравьев трудился в 1821–1822 годах. Ее копия (история оригинала неизвестна) была обнаружена в бумагах декабриста С. Трубецкого. Этот текст имеет название: «Предположение для

---

¹ В литературе эту работу часто называют по-иному: Проект Конституции Никиты Муравьева. Сам автор предпочитал использовать вместо термина «конституция» понятия «устав», «конституционный устав», «основной устав Всероссийского союза», «устав Российской Империи», «проект Конституции».

начертания устава положительного образования, когда е. и. в.² благоугодно будет с помощью Всевышняго учредить Славяно-Росскую империю». Как видно, название документа имеет вполне «нейтральное» звучание, что, по замыслу автора, не должно было вызывать у читавших его особых подозрений, а также свидетельствовать об отсутствии в работе идей о насильственном изменении общественного строя в России. Коллеги Н. Муравьева по декабристскому движению имели возможность ознакомиться с означенным текстом и высказать относительно его критические замечания и пожелания. Многие из них автор учел во второй редакции проекта.

Работу над *второй редакцией* Конституции Никита Михайлович закончил, как считают специалисты, в конце 1824 г. Но и в 1825 г. продолжал вносить в сочинение дополнения и изменения. Так возникла еще одна (усовершенствованная) редакция документа, до нас не дошедшая. Текст второй редакции (являющийся не оригиналом, написанным рукой автора, а копией с него, сделанной, вероятней всего, поэтом К. Рылеевым) был обнаружен в бумагах декабриста И. Пущина лишь в 1857 г. В значительной степени это переработанный и дополненный вариант первой редакции. Изменилась структура работы, она стала более зрелой в стилистическом, содержательном и правовом плане. Одновременно некоторые положения, присутствовавшие в первой редакции и имевшие принципиальный характер, исчезли совсем. Прежде всего это касается небольшой, но важной в концептуальном плане части, имевшей название «Вступление». Зато появилось много новых статей. Распространенным является мнение, что вторая редакция Конституции — самое объемное и наиболее аргументированное изложение мыслей Н. Муравьева относительно будущей России. Правда, и ее нельзя считать полностью законченным сочинением.

Третья редакция написана автором после его ареста, во время пребывания в каземате Петропавловской крепости как ответ на просьбу Следственного комитета, занимавшегося делами декабристов. Поскольку Н. Муравьев в то время не располагал какими-либо письменными источниками, текст писался (в

---

² Означает: Его Императорскому Величеству.

течение нескольких дней) «по памяти». Никита Михайлович утверждал, что в нем сохранен дух подготовленного ранее конституционного проекта и его содержание. На самом деле это не совсем так. В данной редакции не представлены многие, озвученные ранее автором принципиально важные положения об административном членении России, устройстве и функционировании власти в ней. Понятно, что излагая свои идеи «под заказ» следователей, Н. Муравьев объективно был заинтересован в сглаживании в них «острых углов», уходе от положений и выводов, имевших выраженный протестный характер. Документ собственноручно датирован декабристом 13 января 1826 г. и назван конституционным уставом. По своему объему он значительно меньше первых двух редакций и существенно отличается от них структурно. В литературе эта работа получила название: «Конституция Никиты Муравьева, написанная его рукою в каземате крепости и представленная при ответах».

Н. Муравьева отличали серьезность и тщательность в работе над текстами своих сочинений. Эти качества проявились и при подготовке конституционного проекта. Он был знаком с конституциями большинства европейских стран и многочисленными законодательными актами, имевших «хождение» в этих странах. Изучил труды по римскому праву, конституционному праву английского королевства, Франции, Швейцарии, Северо-Американских Соединенных Штатов, а также конституции всех 23 американских штатов.

Мысли Никиты Михайловича о том, как может быть устроена Россия в будущем и какой должна быть власть в ней, определенным образом менялись в процессе работы над конституционным проектом. Третья редакция работы принципиально отличается от первых двух структурно и логически. В ней сначала речь идет о центральных органах власти, а затем — о местных. Довольно много внимания уделено специфике устройства и функционирования судебных органов. Логика построения первых двух редакций иная: сначала говорится о местных органах (на уровне уезда и волости), а затем о центральных. Судебная власть здесь не нашла должного отражения. В смысловом плане первые пять глав первой и второй редакций посвящены одному и тому же кругу вопросов.

Дальше структура редакций изменяется. Последние четыре главы (X, XI, XII и XIII) первой редакции имеют конспективный характер.

Нельзя забывать, что работа Н. Муравьева над Конституцией проходила в условиях непростой борьбы между представителями разных течений в декабристском движении вокруг вопросов о путях преобразования российского общества и формы будущего государства. Далекое не все коллеги Никиты Михайловича, в том числе из Северного общества, полностью разделяли его взгляды. В одни периоды он по-настоящему был руководителем и лидером данной организации, в другие его роль на этом посту падала (с осени 1823 г. Северное общество имело не одного, а трех правителей). С момента своего создания в 1821 г. и до середины 1823 г. оно состояло в своем большинстве из гвардейских офицеров, принадлежавших к богатым дворянским фамилиям. С приемом в организацию поэта К. Рылеева «...общество связывалось с новой общественной прослойкой, военными и штатскими представителями столичной интеллигенции, которые не блистали богатством и знатностью происхождения, но выделялись своими научными и литературными интересами» [2, с. 109]. Никите Михайловичу приходилось прилагать значительные усилия, чтобы последовательно отстаивать свою позицию, особенно в словесных сражениях с П. Пестелем и другими приверженцами утверждения в России республики, а также использования в достижении провозглашенных целей радикальных методов. Разногласий было много, но автор конституционного проекта делал все, от него зависящее, чтобы сохранить в декабристском движении единство. При этом был категорическим противником желания П. Пестеля и его единомышленников объединить Южное и Северное общества в единую организацию, идейным стержнем которой выступали бы принципы республиканского правления.

Понятно, что взгляды Никиты Михайловича на будущее России во многом определялись его принадлежностью к феодальной аристократии. Жизнь этого человека крепчайшим образом была связана с «...интересами и бытом высшего дворянского общества» [2, с. 101]. «Он был крепко, органически спаян с земледельческим классом, дышал его интересами, воззрениями и привычка-

ми, близко соприкасался с либеральными и консервативными кругами правящего сословия...» [2. с. 101].

Философские воззрения декабриста — синтез положений объективного идеализма, христианского вероучения и просветительских идей о справедливости, ценности человека, его свободе.

* * *

Вполне естественно, что смысловым ядром муравьевской Конституции являются *власть, устройство и функционирование государства*. Первая редакция работы начинается словами: «Опыт всех народов и всех времен доказал, что Власть Самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ: что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка» [5. с. 253]. В условиях тогдашней российской империи такая формулировка была равнозначна смертному приговору высказавшему ее. Никита Михайлович не просто провозгласил данный тезис, но и соответствующим образом его аргументировал. Считал, что в условиях самодержавия «...произвол одного человека...» [5. с. 253] (царствующей особы) становится основанием функционирования власти, что «государь *самодержавный*... сам от себя, то есть без причины по прихоти своей властвует» [7. с. 331]. Это приводит к перекосу, смещению в системе «права — обязанности»: одни люди располагают правами, на других возложены лишь обязанности. Неотъемлемой составляющей общества и государства в таких условиях является страх.

Согласно Н. Муравьеву, сам факт бытия самодержавия неразрывно связан с игнорированием властью требований объективной необходимости, важнейшим проявлением которой являются общественные законы. Поскольку самодержец ставит «...себя выше законов» [5. с. 253], то его личная деятельность, равно как и деятельность всех властных структур, обеспечивающих функционирование такого государства, вступает в противоречие с логикой общественного развития. Поэтому надеяться на успех в этом государстве и обществе не приходится.

Будущее России руководитель Северного общества видел в форме конституционной монархии³. Этим его позиция принципиально отличалась от позиции П. Пестеля, руководителя Южного общества, отстаивавшего принципы республиканского правления.

И хотя дефиниция термина «власть», как, впрочем, и остальных, используемых автором, в Конституции отсутствует, его содержание получило здесь значительную интерпретацию. В документе четко различаются полномочия и функции законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Подчеркивается, что они независимы друг от друга, но едины в достижении общезначимых целей. Описывается механизм контроля за их деятельностью, а также особенности функционирования властных структур на разных уровнях управления. Правда, из поля внимания Н. Муравьева полностью выпал вопрос о порядке формирования, структуре и характере деятельности правительства страны. О нем он упоминает вскользь в десятой главе второй редакции Конституции. При этом сама глава имеет название «О верховной исполнительной власти». В третьей редакции конституционного проекта утверждается: «Министерств полагается четыре: Финансов, Иностранных дел, Военное и Морское» [4. с. 297]. Отдельно называется еще два министерства — внутренних дел и просвещения. Это все, что написано в Конституции о правительстве.

Декабрист убежден: «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные постановления* для самого себя» [5, с. 254]. Несомненно, такая постановка вопроса является в высшей степени прогрессивной.

Конституция провозглашала, что законодательная власть в России будет сосредоточена в руках избираемого гражданами Народного Вече, состоящего из Верховной Думы (численностью 45 человек) и Палаты народных представителей (численностью около 450 человек). Главой исполнительной власти (правительства) объявлялся император.

---

³ Сам термин «конституционная монархия» в Конституции Н. Муравьева *не употребляется*.

Три редакции конституционного проекта Н. Муравьева дают возможность увидеть как за сравнительно небольшой отрезок времени (в несколько лет) эволюционировала его позиция относительно формы российского государства — Россия как *федерация* — и территориального устройства страны. Впервые идея о федерации высказана автором в самом начале первой редакции работы — во «Вступлении». Ее аргументация здесь в высшей степени поверхностна и представлена всего двумя предложениями. Никита Михайлович считал, что федерализация будет способствовать возвеличению народа, утверждению свобод граждан, согласованию интересов государства как целостной системы и его структурных компонентов, улучшению государственного управления на всех уровнях. Говоря о федеративности будущей России, декабрист использовал также понятия «Федеральное или Союзное Правление» [См.: 5, с. 253] и «Российский Союз» [См.: 5, с. 263]. Во второй и третьей редакциях документа обоснование необходимости федеративного устройства государства вообще отсутствует. Во второй редакции ни разу не используется и сам термин «федерация». Этот пробел устранен в третьей редакции в разделе «О России вообще»: «Образ Правления ее Монархический Представительный, одинаковый для всех частей ее» [4. с. 296].

Позиция руководителя Северного общества относительно будущего административного деления страны озвучена в четвертой главе, имеющей название «О России», первой и второй редакций Конституции. В третьей редакции эта глава называется «О России вообще». Если исходить из второй (наиболее полной, развернутой) редакции работы, то «в законодательном и исполнительном отношениях...» [3, с. 271] всю территорию России Н. Муравьев поделил на 13 держав, 2 области (Московскую и Донскую) и 569 уездов (поветов). Державы структурно состояли из уездов, а уезды — из волостей. В судебном отношении они делились на округа, совпадавшие с существовавшими во время написания данного документа губерниями. По какому принципу должны формироваться державы, декабрист не объяснял. Территория Украины в конституци-

онном проекте представлена двумя державами: Черноморской со столицей в г. Киеве и Украинской со столицей в г. Харькове.

Интересно, что в первой редакции предполагалось существование 14 держав и 2 областей. Столицей государства назывался г. Нижний Новгород (это же делал П. Пестель в своей «Русской Правде»). Н. Муравьев предлагал переименовать г. Нижний Новгород в г. Славянск, а П. Пестель — в г. Владимир. Во второй редакции место нахождения столицы не обозначено; в третьей им стала Москва. Во второй редакции этот город имеет статус областного центра. Вполне логично сделать вывод, что это одновременно и столица государства. В третьей редакции Конституции административное деление России *предельно упрощено* — ни слова о державах; выделяются лишь области, всего их 15. Названия областей отсутствуют. Указаны лишь областные центры. Это те же города, которые во второй редакции назывались столицами держав. Появился и новый областной центр — г. Воронеж (вместо г. Харькова).

Из текста конституционного проекта нельзя понять какие территории (губернии) в перспективе должны входить в состав соответствующих федеральных единиц страны. Указана только численность населения в каждой из них. При ее расчете Никита Михайлович принимал во внимание лишь особей мужского пола. Исходя из общего числа мужчин в России в 22 млн. 630 тыс. человек, декабрист обозначил наименее численную державу: Ленскую — 250 тыс. — со столицей в Иркутске. Самой большой названа Украинская держава — 3 млн. 500 тыс. Специально подчеркивал, что через три года после введения в действие Конституции в России следует провести перепись населения, чтобы точно знать его численность в стране в целом и в административных единицах. Затем проводить такие переписи раз в десять лет.

С одной стороны, Конституция провозглашала федеративный принцип устройства российского государства, а с другой — чрезмерно расширяя полномочия центральной законодательной и исполнительной власти, существенно ограничивала права субъектов федерации (держав и областей). Так, например, предполагалось, что именно Народное Вече «избирает Правителей Держав» [3,

с. 278] и распускает законодательные собрания держав при превышении ими своих полномочий.

Задача, стоявшая перед Н. Муравьевым, провозгласившим федеративность России, заключалась в том, чтобы «...искусственно расчленить территорию централизованного государства на отдельные, но связанные самоуправляющиеся единицы. По самому существу это была задача не федерирования договаривающихся государств (как в Северной Америке, Швейцарии или Германии), а выделения из единого государства свободных автономных провинций» [2. с. 151]. «"Державы" Никиты Муравьева были искусственно образованными территориями, не имеющими национальной и исторической основы; он называл их самостоятельными государствами, но, в сущности, он мыслил их как подчиненные провинции» [2. с. 156]. Конституция жестко регламентировала порядок формирования и функционирования властных структур в каждой федеральной единице. Здесь господствовал принцип однообразия. Иными словами, каждая держава в политическом плане была копией, близнецом всех остальных держав. Самостоятельность ее властных структур ограничивалась детально выписанным и весьма ограниченным кругом вопросов. Реальным федерализмом тут и не пахло. Если в первых двух редакциях Конституции федерализм присутствует как формальный принцип, то в третьей редакции он исчезает и в этом виде. Место держав занимают области (их 15). Вследствие этого будущее российское государство трансформировалось из номинально федеративного в унитарное. В последней редакции конституционного проекта Никита Михайлович выстроил четкую вертикаль функционирования полицейских структур в местах поселения людей — на уровне деревни, города, волости, уезда. Многообразию здесь места нет. В каждом населенном пункте эти структуры предельно однообразны и в плане формирования, и в плане выполнения возложенных на них функций.

В Конституции детально прописаны полномочия и обязанности *императора*. Он — «Верховный Чиновник Российского Правительства» [3, с. 279], «Правитель Империи» [3, с. 281] и одновременно «первослужитель Народа» [3,

с. 281]. «Лицо Императора священно и неприкосновенно» [4, с. 296]. Императором можно стать лишь достигнув 18-летнего возраста. И хотя его полномочия довольно объемны и весомы — «...соединяет в особе своей всю исполнительную Власть» [3, с. 280] — «Император Российский» наделялся статусом хоть и главного, но все же лишь чиновника, ограниченного в правах и подотчетного по многим позициям Народному Вече. Его основные полномочия: является верховным начальником войск; при необходимости приостанавливает на определенное время действия законодательной власти; представляет страну на международной арене; назначает министров и др. Ряд решений «первослужитель народа» вправе принимать только согласовав их с Народным Вече. Конституция лишала его единоличной неограниченной власти. В третьей редакции работы полномочия императора несколько расширены. В целом его права и обязанности очень похожи на права и обязанности президента Северо-Американских Соединенных Штатов. Иными словами, конституционная монархия в сочинении Н. Муравьева обретала во многом парламентское лицо. За слегка измененной формой (все-таки монархия) стояло совершенно иное содержание. Форма была данью традиции, средством защиты всего того, с чем психологически и идеологически свыклись десятки миллионов людей, видевших в императоре залог силы России и стабильности в ней. Однако теперь его царствование и реальное управление страной находились во многом в разных плоскостях системы власти.

Власть императора объявлялась наследственной, но лишь по мужской линии. В этом контексте заслуживает внимания одно из положений Конституции: «Императорское звание учреждено наследственным для удобства, а не потому, чтобы оно было в самом деле семейственным достоянием. Итак, по пресечении мужескаго поколения народ учредит вид правления или приступит к избранию другаго семейства» [3, с. 282]. При определенных условиях (они четко оговорены в Конституции: император является недееспособным, а его наследник еще не достиг 18-летия) обязанности Правителя России временно возлагались на Председателя Верховной Думы. Согласно Конституции, ни при ка-

ких условиях император не имел права выезжать за пределы страны. Такой выезд означал потерю навсегда этим человеком своего титула. Императору полагался так называемый Двор — сравнительно небольшое число людей, находящихся не на «общественной службе», а в «частном услужении» у данного чиновника. На время выполнения своих обязанностей при императоре эти люди лишались гражданства.

Интересно, что к идее конституционной монархии руководитель Северного общества пришел не сразу. «...Умеренные политические требования появились у Муравьева, после некоторого периода крайнего радикализма, когда Муравьев в своих убеждениях вполне сходил с Пестелем» [1, с. XXIV]. В 1820 г. Никита Михайлович был полностью согласен с мыслью руководителя Южного общества, что необходимо «...стремиться к введению республиканского правления в России <...> Он тогда соглашался также с Пестелем в необходимости царубийства...» [1, с. XXI]. Декабрист утверждал: выгоды «монархического представительного правления» стали очевидными для него в 1821–1822 годах [См.: 2, с. 103]. И это при том, что «еще недавно... признавал царубийство и революционную диктатуру спасительным залогом от ужасов “безначалия”» [2, с. 104]. Отстаивая преимущества конституционной монархии, он, тем не менее, был готов, при определенных условиях, согласиться на воплощение в России идеи республики. Это видно из его показаний Следственному комитету: «Если б... императорская фамилия не приняла Конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной и предложение республиканского правления» [6, с. 343]. Возможность такого компромисса была для Никиты Михайловича нелегкой, но ее допускал. Кстати, компромисс обратного содержания допускал и П. Пестель. При условии, что его позиция относительно республиканской формы правления не получит поддержки в декабристской среде, он готов был рассматривать вопрос об утверждении в России конституционной монархии.

Несмотря на многократное подчеркивание важности хорошо функционирующей *судебной власти*, предметно о ней Н. Муравьев говорит лишь в третьей

редакции документа. В первых двух редакциях этой теме посвящено всего несколько предложений. Особо обозначена независимость суда. Судебная власть соответствующим образом структурировалась. Предполагалось, что судьи будут избираться. Чтобы занять эту должность, необходимо иметь соответствующий имущественный ценз. Отдельно выписан порядок рассмотрения апелляций на решения суда. Никита Михайлович высоко ценил роль присяжных в судебных процессах. Считал, что к этой работе следует привлекать как можно больше честных и порядочных людей. Дела, гражданские и уголовные, рассмотренные судом с участием присяжных, считались не подлежащими ни апелляции, ни повторному рассмотрению судом. В конституционном проекте не оговаривается необходимость наличия у судьи определенного образования. В то же время отмечается, что адвокаты должны иметь на руках «университетские аттестаты».

Провозглашая обязательное разделение трех ветвей власти, декабрист, тем не менее, часть судебных функций отдал высшей палате законодательной власти — Верховной Думе. Именно ей «...принадлежит Суд над Министрами, Верховными Судьями и всеми прочими Сановниками Империи, обвиненными народными представителями» [3, с. 275]. Правда, речь в данном случае идет лишь о том, чтобы «...объявить *подсудимого виновным и лишить его занимаемого им места и звания*» [3, с. 276]. Дальше его дело подлежит передаче в обычный суд. Аналогические судебные функции (но только относительно чиновников уровня держав) возлагались на думы держав.

В Конституции рельефно представлена мысль о необходимости должной аргументации *норм права*. Декабрист подчеркивал, что в условиях самодержавия они защищают власть имущих. Необходимо же сделать так, чтобы эти нормы непременно учитывали потребности и интересы всех граждан и были обязательными для исполнения каждым человеком, независимо от его социального статуса. Это будет способствовать утверждению справедливости в обществе.

Везде, где считал возможным и нужным, Никита Михайлович специально оговаривал правовые аспекты функционирования органов власти, отношений

между властью и гражданами, а также отношений между людьми. Декабрист отстаивал неприкосновенность личности, презумпцию невиновности, ратовал за обязательную обоснованность предъявляемых гражданам обвинений, предоставление им услуг адвокатов и др. Утверждал, что при приведении закона в исполнение не должно быть никаких нарушений.

При этом ставил в зависимость многие юридические права индивидов от их имущественного ценза. В развернутом виде данный подход реализован в пятой главе — «О внутреннем устройстве, волостном и уездном управлении» — первой редакции конституционного проекта. Провозглашая ликвидацию сословий, Никита Михайлович одновременно поделил граждан в контексте их политических прав на четыре группы (класса). Критерием деления был уровень доходов. Права расширялись по мере того, как объем дохода увеличивался и гражданин переходил из одной группы в другую. Индивиды, не располагающие минимальным имущественным цензом, были лишены практически всех политических прав. В аналогичной главе второй редакции формулировки несколько смягчены: люди делились по означенному признаку всего на две группы. Но и здесь речь идет о том, не все граждане уезда имеют право избирать «тысяцкого»⁴, т. е. народных представителей и других чиновников, а также быть избранными в различные органы государственной и судебной власти. Идея об установлении связи между политическими правами людей и размером их имущества заимствована декабристом из античной истории. В значительной мере она направлена против наследственного характера участия граждан в политической жизни.

Функционирование власти объективно предполагает разграничение *прав и обязанностей* субъектов, ее осуществляющих, а также определение прав и обязанностей граждан. Не случайно в первой и второй редакциях Конституции существует глава — «О состоянии, личных правах и обязанностях русских». Особое внимание Н. Муравьев уделял ответственности граждан перед государ-

---

⁴ Чиновник в уезде, обладающий административной, исполнительной и полицейской властью. Полномочный представитель уезда.

ством, их обязанности участвовать в выборах, готовности защищать страну от неприятеля. Обращал внимание, что каждый индивид несет личную ответственность за долги, которые у него возникли. Декабрист писал: «Никакое нарушение Закона не может быть оправдано повелением начальства» [3, с. 271]; «...Никто не может оправдаться полученным приказанием, ... слепое повиновение не может быть допущено, и всякий исполнитель противузаконного веле-ния будет наказан так, как и подписавший веле-ние» [3, с. 283]. В конституци-онном проекте довольно часто подчеркивается, что право быть избранным в ор-ган любой власти имеет лишь тот гражданин, кто чист, «непорочен» перед за-коном. Указывается на ответственность судьей за превышение своих полномо-чий, а также за недобросовестное выполнение обязанностей. Мету ответствен-ности человека за свои поступки Н. Муравьев коррелировал с его социальным статусом. В связи с этим писал: «Судья, уличенный в лихоимстве, подвергается гораздо большему наказанию, ежели тот, кто его подкупил...» [4, с. 301].

В своих рассуждениях о власти Никита Михайлович вплотную подошел к вопросу о *прозрачности* ее функционирования — как в целом, так и деятельно-сти чиновников в частности. Специально обращал внимание на необходимость обнародования каждым «тысяцким» при занятии данной должности уровня своего благосостояния. Писал, что заседания органов законодательной власти на уровне административных единиц страны должны проходить «при открытых дверях», а их деятельность освещаться в печати. Публичный характер должны иметь и заседания обеих палат Народного Веча. Конституцией предполагался обязательный публичный отчет Народного Веча об использовании выделяемых для финансирования его работы средств. Публичной объявлялась и деятель-ность судов, в первую очередь сами судебные заседания.

Автор демонстрировал заинтересованность в том, чтобы граждане, полу-чившие доступ к власти, с определенной периодичностью обязательно *менялись* другими гражданами. Считал, что это будет способствовать уменьшению злоупотреблений ею. По его мнению, каждые два года на треть следует менять состав Верховной Думы. Подлежал регулярной ротации и состав дум в держа-

вах. Запрещалось совмещать работу в выборных органах власти с другими должностями вне этих органов.

Озвученная в первой редакции Конституции идея о том, что народ является источником власти, получила развитие в двух следующих редакциях. Согласно второй редакции, именно от его имени Народное Вече при определенных условиях могло отстранить императора от выполнения своих обязанностей, а также назначить временного Правителя. В третьей редакции документа оговорены условия внесения в него изменений. Делать это предполагалось на Народном Соборе, члены которого избирались. Решение Народного Собора подлежало утверждению на областных соборах. Специально подчеркивалось: решение считается принятым при условии его поддержки не менее $2/3$ голосов *наличных членов всех* областных соборов. Кстати, это еще одно подтверждение трансформации задекларированного в Конституции принципа федерализма в принцип унитаризма. Общее число голосовавших «за» здесь имеет приоритет перед голосовавшими «против» на уровне каждой области. Так, хоть и в ограниченном, неполном виде, народное волеизъявление заявляло о себе, диктовало власти свои требования. Идея народного суверенитета имманентно присутствует во всех трех вариантах муравьевского конституционного проекта. Отстаивал он ее и в других работах. Считал, что «история принадлежит народам...» [8, с. 333], а не царям.

Забота Никиты Михайловича относительно утверждения и расширения *демократических начал* в функционировании властных структур хорошо видна в отстаивании свободы мнений и высказываний членов законодательных органов при обсуждении проектов законов; описанном порядке принятия законов и противодействия медлительности при введении их в действие; предоставлении законодательному органу державы права изменять ее административное деление, открывать учебные заведения, вводить региональные налоги и др. Одновременно декабристом был обозначен круг вопросов, не находящихся в юрисдикции законодательного органа державы.

Значительное внимание Н. Муравьев уделял *взаимосвязи* индивидуального, группового, общественного и государственного. Он отстаивал права людей на создание различных объединений, при условии, что последние своей деятельностью не будут продуцировать конфликтные ситуации с государством и уже существующими социальными объединениями. В первой редакции Конституции присутствует положение о праве индивидов делать все, что не запрещено законом. Позиция Никиты Михайловича — необходимость законодательного закрепления и воплощения на практике принципов либерального индивидуализма. При этом сам индивид имеет у него в высшей степени абстрактный характер. Он «теряется» в массе населения, деятельности властных структур, приоритетах государства. Декабриста больше интересовал феномен типичного, устоявшегося, повторяющегося в жизни людей и социума. Такой подход во многом обусловлен мировоззренческими установками автора конституционного проекта. Он был представителем крупной феодальной знати. И хотя понимал необходимость изменений в обществе и государстве, относился к ним с позиций умеренности, разумного компромисса, недопущения революционных методов борьбы.

В отличие от П. Пестеля, который в своей «Русской Правде» неоднократно говорил о гражданском обществе, руководителя Северного общества больше интересовал феномен *гражданства*. И в первой, и во второй редакциях его конституционного проекта существует глава «О гражданах». Гражданство Никиты Михайлович ассоциировал с *правом людей непосредственно или опосредованно участвовать в общественном управлении*. В первом случае речь идет о возможности быть избранным в органы законодательной, исполнительной или судебной власти. Во втором — о праве участвовать в выборах. Сам факт наличия у индивида таких прав означал, что он является гражданином государства. Но чтобы их иметь (= стать и быть гражданином) следовало соответствовать ряду требований, которые четко обозначены в документе. По мнению его автора, гражданином может быть человек, достигший 21 года; имеющий постоянное и известное место жительства; здоровый ум (т. е. не болеющий психически);

располагающий личной независимостью; исправно платящий налоги и являющийся непорочным перед законом. В первой редакции Конституции было еще одно требование (условие). Оно касалось имущественного ценза — как движимого, так и недвижимого имущества, находящегося в собственности индивида. Во второй редакции это положение снято.

Право на гражданство, согласно Н. Муравьеву, имели не только люди, родившиеся в России, но и иностранцы, прожившие в ней постоянно не менее 7 лет. Оно по их просьбе могло быть предоставлено решением судебной власти. Иностранец, не имевший гражданства, не мог занимать гражданские и военные должности, а также приобретать землю. Лишь через 7 лет после получения гражданства его могли избрать в состав нижней палаты высшего органа законодательной власти страны и через 9 лет в состав высшей палаты. Двойное гражданство Конституцией не предусматривалось.

Не менее четко, чем условия получения гражданства, в конституционном проекте выписаны ситуации, при которых индивид терял это звание. В одних случаях — на время, в других — навсегда. Среди причин, влекущих потерю гражданства на время, — судебная фиксация психического заболевания у человека, нахождение под судом, банкротство и др. Документ лишал подавляющего большинства гражданских прав *всех представителей кочующих племен*.

Никита Михайлович хорошо понимал роль языка как одного из важнейших факторов гражданской идентификации и государственной консолидации. Поэтому отнюдь не случайно в Конституции присутствует статья: «Чрез 20 лет, по приведении в исполнение сего Устава Российской Империи, никто необучившийся Русской грамоте не может быть признан Гражданином» [3, с. 268].

Руководитель Северного общества был крайне озабочен отсутствием в российском обществе и государстве подлинной *свободы*. Утверждал, что русский народ более всех заслуживает и законности, и свободы. Муравьевская Конституция провозглашала: «Русский народ свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства» [5, с. 254]. Она декларировала свободу предпринимательства, вероисповедания,

слова, книгопечатания. Одновременно вводила запрет на так называемые вредные книги.

Не мог обойти вниманием Н. Муравьев и проблему социального равенства. Как и другие декабристы, трактовал эту ценность прежде всего в ее правовом измерении: «Все Русские равны пред законом» [3, с. 269]; «...все равны перед законом и обязаны нести одне и те же повинности» [3, с. 279]. Одним из ярчайших проявлений неравенства между людьми в современной декабристам России было существование крепостных. Уничтожение крепостного права являлось для первых российских революционеров приоритетной задачей. «Крепостное состояние и рабство отменяются, — утверждается в Конституции. — Раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным, Разделение между благородными и простолюдинами не принимается...» [3, с. 269]. Данным проектом Основного закона также уничтожались ненавистные крестьянам военные поселения. Отменялись гражданские чины, титулы именитых граждан, гильдии в купеческой среде, цеховое членение ремесленников, социальная структуризация людей согласно существовавшим в государстве 14 классам (сословиям). Вместо многочисленных обозначений принадлежности индивидов к конкретным социальным группам Никита Михайлович предложил использовать термины «гражданин» или «русский». Провозглашаемые документом изменения имели крайне важное значение для преодоления социального неравенства, но они отнюдь не обеспечивали реального, фактического равенства людей.

Взгляды Н. Муравьева относительно экономической свободы крестьян более консервативны, чем соответствующие взгляды руководителя Южного общества декабристов. В первой редакции Конституции записано, что даже после отмены крепостного права «...поселяне, которые вздумают оставить свое селение и переселиться в другое место...» [5, с. 256], должны выплатить помещику определенное вознаграждение. Согласно второй редакции, «земли Помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим» [3, с. 270]. По мнению Никиты Михайловича, далеко не все крестьяне

смогут в перспективе получить в собственность иные участки земли. Условия их получения выписаны в конституционном проекте поверхностно. Из третьей редакции документа следует, что освобождавшиеся от крепостной зависимости помещичьи крестьяне, будут получать в собственность не только приусадебные участки с расположенными на них постройками, скотом и хозяйственным инвентарем, но и дополнительно 2 десятины земли на каждый двор. Кроме того, им разрешалось приобретать землю в «потомственное владение». В решении земельного вопроса, как и личной независимости, разные группы крестьян Н. Муравьев поставил в разные (неравные) условия.

В Конституции речь идет преимущественно о *формально-юридическом равенстве*, а не о равенства в его практическом воплощении. Допускавшиеся ее автором неравенство различных групп крестьян в их отношении к земельной собственности, а также имущественный ценз для участия в выборах переводило эту проблему больше в сферу теоретических дискуссий, а не практической реализации. Интересно, что данный документ запрещал присутствие женщин на заседаниях законодательных органов как центральной, так и местной власти.

Свое отражение в законодательном проекте Н. Муравьева, правда, в неразвернутом виде, нашел *национальный вопрос*. На страницах этого документа автор писал прежде всего о русских. На это хочу обратить особое внимание — речь вел *именно о русских*, как будто других народов в российской империи не было вовсе. Никита Михайлович, да и не он один, к сожалению, не различал (или не хотел этого делать) на сущностном уровне собственно русских и представителей других национальностей, проживавших на территории России. Не рассматривал последних как носителей иных — нерусских — культур. Если и обращал внимание на различия народов, этносов, то акцент делал лишь на характеристиках внешнего порядка. За явлением декабрист не видел сущность. «Русскими почитаются, — писал он, — *все* (выделено — *В. П.*) коренные жители России и дети Иностранцев, родившихся в России, достигшие совершеннолетия...» [3, с. 269]. Кто именно принадлежит к коренным жителям России из текста работы понять невозможно. В третьей главе первой и второй редакций

проекта Основного закона *как синонимы* используются термины «гражданин» и «русский». Об этом уже говорилось выше. В первой редакции отдельно упоминается о евреях: «Евреи могут пользоваться правами граждан в местах, ныне ими заселенных, но свобода им селиться в других местах будет зависеть от особых постановлений *Верховного Народ[ного] веча*» [5, с. 264].

Текст Конституции (все три редакции) дает основание для вывода, что реализацию федеративного принципа в России Н. Муравьев даже малейшим образом не связывал с защитой национальных интересов многочисленных этносов, проживавших в стране. Обозначенные в его работе державы и области — это экономические и политические единицы. Феномен национального во всем многообразии его проявления в них *нивелирован*. Главным, определяющим, ведущим и по сути единым, лучше сказать единственным, проявлением национального в конституционном проекте выступает русское. Будущую российскую федерацию декабрист «строил» на *внеациональной* основе. Выделение Кавказской державы со столицей в Тифлисе общей ситуации не меняет. А членение Украины на две державы (Украинскую и Черноморскую) только подчеркивает великодержавный характер его позиции.

Хотя национальному вопросу уделено в конституционном проекте не так уж много места, сказанное ее автором по данному поводу дает основание для вывода о его последовательном национализме. Одним из аргументов в пользу сказанного выступает категорическое возражение Никиты Михайловича против каких-либо переговоров декабристов с Польским революционным обществом с целью привлечения его к совместной протестной деятельности. Он считал, что «входить в сношения с иноплеменниками» при решении такой задачи нельзя ни в коем случае.

Как человек верующий, декабрист отмечал особую роль *религии и священнослужителей* в жизни общества и государства. Конституция провозглашала веротерпимость: «Вера, совесть и мнения Граждан, пока оныя не обнаруживаются противозаконными действиями, не подлежат власти...» [3, с. 279]; «Никто не может быть беспокоиваем в отправлении своего Богослужения по совес-

ти и чувствам своим, лишь бы только не нарушал законов природы и нравственности» [3, с. 271]. В первой редакции работы специально оговаривалось, что лица, относящиеся к духовенству, в том числе монахи, имеют гражданские права, и что «церковные земли остаются навсегда за ними» [5, с. 256]. Во вторую редакцию эти формулировки не попали. Зато в ней присутствует утверждение: «Жалованье Священнослужителям будет производится и впред» [3, с. 270].

В Конституции практически совсем не обозначено отношение государства к *светским гуманитарным ценностям*. Лишь один раз (в третьей редакции) упоминается о науке и искусстве: Народное Вече «покровительствует Наукам и полезным Искусствам...» [3, с. 278].

Крайне слабо в данном документе представлена *экономическая сторона* функционирования российского общества и государства. Согласно ему, «право собственности, заключающее в себе *одне вещи*, священно и неприкосновенно» [3, с. 270]. Такая же формулировка имеет место в «Русской Правде» П. Пестеля. Ликвидация крепостничества и освобождение крестьян, даже в том куцом, урезанном виде, как это предлагал сделать Никита Михайлович, на практике означала не только юридическое предоставление свободы огромной массе людей, но и формирование на селе, да и не только там, качественно новых экономических условий. Возникал мощный рынок свободной рабочей силы. В нем декабрист видел важную предпосылку интенсификации производства, в первую очередь сельскохозяйственного.

Несколько слов о *способе обоснования* Н. Муравьевым своих формулировок. Во многом он напоминает аргументацию положений и выводов, применяемую П. Пестелем в его «Русской Правде». Как и П. Пестель, руководитель Северного общества использовал аргументы светского и религиозного характера. Так, заявляя о необходимости уничтожения крепостного права и деления людей на благородных и простолюдинов, писал, что существовавшее ранее положение в этой сфере противоречит религиозной вере. В первой редакции Конституции говорил о христианской вере, а во второй — просто о вере. Считал, что все люди рождены по воле божьей и для блага. К тому же, они существа

слабые и несовершеннолетние. В отдельных случаях декабрист подчеркивал, что поступки человека не должны противоречить законам природы и законам нравственности.

Текст Конституции, особенно первая и вторая редакции, *не отличается строгой логической последовательностью*. Автор довольно часто переходит от одной темы к другой, а затем снова возвращается к уже рассматривавшимся вопросам. Это имеет место как в рамках конкретных глав, так и в сочинении в целом. Например, в первой и второй редакциях существует глава «О гражданах», но вопрос о гражданстве является предметом разговора и в других главах. Отсутствует логика при освещении вопросов о ликвидации сословного членения в российском обществе, заключении подозреваемых под стражу, месте отбывания наказания, статусе священнослужителей и др. Одни статьи конституционного проекта сформулированы четко и лаконично. Другие отличаются расширенностью трактовок, третьи — излишней детализацией. Имеют место случаи, когда в главах и статьях присутствуют положения и выводы содержательно не имеющие отношения к рассматриваемым вопросам.

Выделив в административном членении России кроме 13 держав также 2 области, Никита Михайлович специально так и не обозначил статус областей сравнительно с державами и детально не описал порядок их участия в формировании высших органов власти. Назвал лишь число граждан, которых в этих административных единицах следует избирать в Верховную Думу и Палату народных представителей.

Несмотря на прогрессивный характер многих идей Конституции, отвечающих духу буржуазного предпринимательства и либерального индивидуализма, Н. Муравьев остался в целом верным традициям феодальной аристократии России. В предложенном им порядке формирования и функционирования органов власти четко прослеживается ставка именно на землевладельцев, в первую очередь зажиточных. Специально хочу отметить, что он писал не только о дворянстве как социальном сословии, обладающем многими правами, полученными по наследству, но и о людях, ставших богатыми вследствие экономиче-

ского предпринимательства, победы в экономической конкуренции. Утверждавшийся в России капитализм свое будущее связывал именно с ними. Никита Михайлович это видел и понимал, но, будучи осторожным и умеренным во взглядах на пути преобразования социума, так и не смог порвать узы, соединявшие его с классом помещиков. В его конституционном проекте *феодалное довлеет над буржуазным*.

Принимая во внимание сильные и слабые стороны Конституции Н. Муравьева, нельзя не отметить, что эта работа полна интересных идей, формулировок и выводов. Она по праву занимает свое место среди многочисленных конституционных проектов, рожденных в истории человечества умом талантливых и равнодушных личностей.

Литература

1. Довнар-Запольский М. В. Вводное замечание о следственном деле о декабристах // Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов (Записки, письма, показания, проекты конституций, извлеченные из следственного дела, с вводной статьей). — К.: Издание книжного магазина С. И. Иванова и К° Киев, 1906. — С. III–XLV.

2. Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Избранные труды. — Т. 1. Революционное движение в России в XIX ст. — М.: Наука, 1985. — С. 5–304.

3. Конституция Никиты Муравьева (из бумаг И. И. Пущина) // Дружинин Н. М. Избранные труды. — Т. 1. Революционное движение в России в XIX ст. — М.: Наука, 1985. — С. 268—288.

4. Конституция Никиты Муравьева, написанная его рукою в каземате крепости и представленная при ответах // Дружинин Н. М. Избранные труды. — Т. 1. Революционное движение в России в XIX ст. — М.: Наука, 1985. — С. 295—304.

5. Конституция Н. Муравьева (Текст, найденный в бумагах кн. С. П. Трубецкого) // Дружинин Н. М. Избранные труды. — Т. 1. Революционное движение в России в XIX ст. — М.: Наука, 1985. — С. 253–267.

6. Муравьев Н. М. Из показаний // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 341–343.

7. Муравьев Н. М. Любопытный разговор // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 330–332.

8. Муравьев Н. М. Об «Истории» Карамзина // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 333–336.